

Дампилова Людмила Санжибоевна

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В МОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

В данной статье впервые рассмотрены модернистские тенденции (фрагментарность текста, интертекстуальность, театральность действительности, ее экзистенциальная неустойчивость) в современной поэзии монгольских народов. Актуальным представляется анализ современных текстов, направленных на выявление "культурных кодов", отсылающих к национальным традициям. В итоге установлено, что собственные восточные поэтические традиции и тип мышления, соединяясь с "чужим", представленным кодом иной культурной традиции, вписывают творчество современных поэтов в мировую и национальную культурную традицию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 28-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

В данной статье впервые рассмотрены модернистские тенденции (фрагментарность текста, интертекстуальность, театральность действительности, ее экзистенциальная неустойчивость) в современной поэзии монгольских народов. Актуальным представляется анализ современных текстов, направленных на выявление «культурных кодов», отсылающих к национальным традициям. В итоге установлено, что собственные восточные поэтические традиции и тип мышления, соединяясь с «чужим», представленным кодом иной культурной традиции, вписывают творчество современных поэтов в мировую и национальную культурную традицию.

Ключевые слова и фразы: лирический дискурс; традиционные и литературные коды; постмодернизм; модернизм; интертекст; Баатарын Галсансук; Булат Аюшев.

Дампилова Людмила Санжибоевна, д. филол. н., доцент
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
dampilova_luda@rambler.ru

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В МОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

В данной работе анализ лирических текстов направлен на выявление «культурных кодов», представляющих определенный тип мышления и отсылающих к национальным традициям. В культурных кодах выделены глобальные традиционные (дописьменные) и литературные коды. Особый лирический универсум в современной поэзии монгольских народов создается не только использованием национальных кодов, культурного и эстетического топоса Центральной Азии, но и многосторонними связями с мировоззрением и художественными направлениями русской и мировой литературы.

В современной монгольской поэзии предводителем модернистских новаций считается Баатарын Галсансук, названный исследователем его творчества С. Энхбаяром «командующим фронтом модернистов» [2, с. 3]. По мнению американского исследователя монгольской поэзии С. Уикем-Смита, Б. Галсансук – яркая творческая личность, по-новому открывающая мир монгольской поэзии и соединяющая поэтические традиции современной Азии и Соединенных Штатов. Его творчество состоит из герменевтических, культурных, этнографических, символических кодов. «Любое повествование, по Барту, существует в переплетении различных кодов, их постоянной “перебивке” друг другом» [6, с. 184].

В поэзии Галсансуха мир видится как хаотичный космос, где все между собой смешано. Время в модернистской ситуации существует только как сиюминутное состояние, запечатленное мгновенье. Стихотворения выдержаны в стиле неясного текучего настроения, мелодия стиха меняется, как кадры мгновенно мелькающих картин. Монтажная композиция, постоянная смена «точки зрения» лирического героя создают причудливую картину. Неявно мелькающие многозначные коды разных времен и народов не дают читателю расслабиться, чтение его стихов – это постоянный интеллектуальный труд. Хотелось бы подчеркнуть, что особенность поэтического почерка Галсансуха видится в умелом сочетании модернистских тенденций с восточными поэтическими традициями.

В поэзии Галсансуха неординарную картину создают не только семантические поля, но и художественные средства. Яркие эпитеты (*золотой туалет, зеленые самолеты, синие кузнечики*), неординарные сравнения (*домики как шарики, облака как очки, дымок как вытянутая вверх рука или душа моя как деревянная скамья*), точные авторские метафоры (*на колени памятника мудрецу (Гэлэн хушөө) садится ветер, всхлип вороны, осоки-клоки заседают, дремлет жук с рюкзаком*) штрихами, неясными всполохами открывают многомерную картину жизни. Переменяясь с литературными кодами, традиционные национальные коды в виде метафор, сравнений, элементов пословиц и поговорок, резко меняя тональность повествования, создают динамику и эмоциональную подвижность всего текста.

В стихотворении «Край Унэдэй и мгновенье времени» (*Үнээдэй нутаг ба цаг хугацаа*) [2, с. 9] поэт, используя художественный образ-сравнение, рисует меняющуюся картину ритмов жизни в мгновенье времени. Явления природы создают определенное видение в разные мгновенья в зависимости от настроения героя: холмы-сопки как поле сражения, степь мрачнеет как на переговорах, реки-речушки текут как кровь из раны, осоки-клоки заседают как военный трибунал, свет луны брезжит как капитуляция. Автор в сравнениях последовательно открывает особенности исторического времени, которые читатель только сам познает методом постепенного откровения. Как отмечает М. Петрова, «своей постмодернистской сетью Б. Галсансук гениально уловил дух монгольской природы и монгольского человека в ходе абсолютно монгольского времени» [5, с. 180].

Действительно, он «как дышит, так и пишет» (Окуджава). Интонационно выраженное графическое построение стихотворений, подчиняясь внутренней организации текста, раскрывает его скрытые функционально-смысловые качества. Психологическое воздействие текста усиливается звуковыми и фонолексическими повторами, подчеркивающими и расцветивающими смысловые интонации. В традиционной монгольской поэзии как одни из распространенных форм композиционного построения текста используются разные варианты повторяющихся строк. В следующем стихотворении Б. Галсансуха повторяются первые две строки, они же повторяются через каждые четыре строки, и завершается стихотворение кольцевым повтором первой строки: *Алтан намар. Мөнгөн сар. Хүрэл үүл. / Алтан намар. Мөнгөн сар. Хүрэл үүлсийн чөлөөнд / Архичин жунз, Яруу найрагч мэт ширээн дээр / Гүн ухаантан мэт бодлогошироход* [3, с. 254]... / «Золотая

осень. Серебряная луна. Бронзовая туча. / Золотая осень. Серебряная луна. На просторе бронзовой тучи, / Как алкоголик или поэт, опершись на стол / как мудрые задумались...? (здесь и далее перевод Е. В. Сундуевой). Галсансук в характерном для него напористом, ироническом стиле постмодернизма обыгрывает идею о мудрых, думающих о судьбе своей родины.

Можно предположить, что текстом-кодом, объясняющим скрытую семантику «мудрых», является стихотворение Б. Баттулги, в котором текст также построен с повтором строк, но только в начале и конце каждой строфы: *Гүн ухаантан ширээ тушин бодлогоширч байна / Гүйцэд болоогүй мойл жимсний тухай* [Там же, с. 252]. / ‘Мудрые, опираясь задумчиво на стол, размышляют / О недозревшей еще черемухе-ягоде’. И строфа завершается следующими строками: *Тэмүүлж яваа нутаг нь орчлонгийн захад байдаг тухай / Гүн ухаантан ширээ тушин бодлогоширч байна* [Там же]. / ‘О родине, существующей на краю вселенной / Мудрые, опираясь задумчиво на стол, думают’. В данном случае Галсансук переносит, перекодируя, в свой текст не только элементы кода претекста, но и совокупность существовавших подтекстовых связей.

Национальную самобытность и смысловую объемность поэзия Б. Галсансуха обретает в контексте традиционных кодов, более проявленных мифологическими архетипами и знаковыми символами. Когда включается в ход размышлений героя традиционный код, незаметно исчезает ироническая интонация. Народная мудрость ценится как непреложная истина и служит подтверждением собственных мыслей: *Хуучин бүхнийг дурсах хэрэггүй нь сайхан / Цагийн юм цагтаа гэдэг үг / Цээжнээс минь гардаггүй нь сайхан* [2, с. 33]. / ‘Хорошо, что не надо поминать все старое, / Хорошо, что я всегда помню о том, / Что всему свое время’. Содержательное преувеличение, пародийность и разговорный стиль меняются на возвышенно-элегические признания лирического субъекта.

Поэзия Б. Галсансуха знаменательна тем, что монгольская литература, выходя за рамки собственно восточных традиций, русской поэтической школы, обращается к евроамериканским литературным направлениям. Особая форма видения, темперамент, сочетаясь с элементами нарочитого примитивизма, с явной и подспудной иронической игрой, являются ведущими средствами формирования поэтической картины мира Б. Галсансуха. Его поэзия с точки зрения проявления устойчивых знаков определяется главенствующим положением национальных традиционных кодов в контексте культурных кодов эпохи.

Для сравнительного анализа модернистских тенденций в поэзии монгольских народов из современных бурятских поэтов примечательно творчество Булата Аюшеева, пишущего прозу и поэзию на русском языке. Если Галсансук явно разворачивает с разных позиций постмодернистские, модернистские концепции в своем творчестве, громко рекламирует свои поэтические предпочтения, то Булат Аюшеев, верный своему «спокойному» характеру, ничего не подчеркивает, в его творчестве ненавязчиво присутствуют модернистские тенденции. Булат Аюшеев – минималист во всех своих проявлениях, он не любит ничего эпатажного, никогда ничего категорически не отстаивает, но всегда весомо, тихо, своим незаемным словом пытается точно и коротко обозначить самое важное. Философски задумчивое отношение поэта к жизни отражается в его творчестве неожиданно свежим ракурсом видения быта и бытия.

В небольшой по объему текст поэт включает огромный интертекстуальный фон, который каждый читатель раскрывает по-своему. Так, например, в следующей миниатюре явные отсылки на литературный код (средневековый роман-энциклопедия Гильома де Лорриса и Жана де Мена) и мифологический код (нить Ариадны): Роман о Роме, / как некогда – о розе, / об игре в прятки / со смертью самою. / Я верю, что вынырнув / на том свете, / он плывет по морю / на легком каноэ, / И солнце маленькое, / а лучи громадные, / и ведет его / не чутье рыболова, / а детская вера / в день вчерашний, / наши жалобы / и нить Ариадны [1, с. 10].

Если роман о Розе про любовь, то Аюшеев свою тему обозначает пословицей «игра в прятки со смертью», за которой стоит устойчивый традиционный код слепой смерти, рискованных экспериментов со смертью. В этом сжатом пространстве текста еще можно выявить неявные намеки на мифологического Харона. Использование вместо лодки каноэ меняет весь ракурс видения: темный лодочник-перевозчик только возникает в сознании, его образ затмевает свет огромных лучей солнца с главным персонажем на легком каноэ, и он видится уже как в раю. Нестандартные метафоры (гармонические костюмы, аккуратные старушки), неожиданно изящные художественные образы, «мерцающие» коды, за которыми угадываются традиционные и литературные истоки, создают разноликий мир его поэзии.

Для поэтического почерка Аюшеева характерны описательность и диалогичность, особо можно выделить театрализованность действий и портретную нечеткость образа персонажей. В тексте используются диалоги, ремарки как в пьесах: «Женщина – мужчине: “Гляди-ка, бич. / Пойдем, познакомимся с ним”. Смеется. / И мне, знаете ли, смешно!» [Там же, с. 19]. Первая ремарка «смеется» как бы вводит в ситуацию и подает повод для размышлений, а вторая авторская ремарка уже имеет оценочное значение, хотя редко лирический герой Аюшеева высказывает свое мнение. Следует заметить, что его лирическое «я» почти не проявляется, чаще повествование ведется от отстраненного лица.

Сочетание реальных фактов и вымысла, простоты и эрудированности открывает множество вариантов чтения текста: «лишает его маленькой жизни, / а взамен дарит великой смертью, / безбрежную, как саванна» [Там же, с. 29]. Буддийский традиционный мортальный код резко меняется на обыденную ситуацию и разговорную лексику: «Просыпается некто на вокзале, / Двадцать первый век. Полдень. / “Земляк, – говорит ему прохожий, – / Не проспи лепездричку»» [Там же]. Диалоги ему нужны, чтобы сократить текст и высказаться фрагментарно, они также создают повествовательную тональность. Он любит обозначать мысли намеками, персонажи у него без имени, лирический герой многоликий. Событийная интонация в его текстах поддерживается диалогами, действующими персонажами, но наиболее всего прозаическим ритмом текста.

Интонация описательного рассказа без особых эмоций напоминает режиссерский посторонний взгляд на сменяющиеся сцены, содержащие огромный информативный материал в подтексте.

Стихи поэта читаются легко, есть в них внутренняя мелодика, свой неповторимый ритм. Особенность его стихосложения точно и тонко определила Е. Пестерева: «Начав с силлабо-тонического стиха, Аюшеев состоялся как верлибрист, но в его верлибре может вдруг попасться рифма-другая, чаще ассонансная, или ритмичная строчка, а затеянный парафраз ахматовского “я пришла к поэту в гости” вдруг прирастет пятистрочной строфой и лопнет шестистрочной с грамматическими аномалиями и избыточными рефренами: “Жизнь больше и страшнее, / и когда, в глаза осмелюсь / посмотреть ей, просыпаюсь, / долго, долго просыпаюсь, / страшно, страшно просыпаюсь, / просыпаюсь – мамы нет”» [4, с. 155].

Думается, многоликий и необычный, яркий и нечеткий мир поэзии Б. Галсансуха и Б. Аюшеева можно читать как «открытый» текст, в котором каждый находит свои идеи и коды. Такие тексты «остаются неисчерпаемыми, поскольку они открыты» [7, с. 95].

Итак, в современной поэзии монгольских народов заметно ощущаются новые тенденции, обусловленные качественно иной мировоззренческой позицией, связанной с осмыслением модернистских новаций в литературе. В итоге установлено, что в модернистскую парадигму вписываются безымянные герои, фрагментарность текста, интертекстуальность, театральность действительности, ее экзистенциальная неустойчивость, нетрадиционное мышление и попытка создать свой особенный художественный образ. В творчестве современных поэтов монгольского мира генетический культурный код гармонично сочетается с кодом современного модернизма.

Список литературы

1. Аюшеев Б. Л. Легкий и деревянный кот. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2014. 64 с.
2. Галсансүх Б. Яруу найргийн шинэчлэлийн төлөөх зуун жилийн дайн. Улаанбаатар, 2003. 118 с.
3. Монголын сонгомол яруу найраг. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2005. 276 с.
4. Пестерева Е. КУБ. Грани сибирской поэзии // Октябрь. 2015. № 3. С. 152-157.
5. Петрова М. П. Нуудэлчний уран зохиолыг шинжлэхүй. Улаанбаатар, 2011. 198 с.
6. Современное зарубежное литературоведение: страны Западной Европы и США: концепции, школы, термины: энциклопедический справочник. М.: Интрада-ИНИОН, 1999. 315 с.
7. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста. М.: Изд-во РГГУ, 2005. 502 с.

CULTURAL CODES IN MODERNISTIC POETRY OF MONGOLIAN PEOPLES

Dampilova Lyudmila Sanzhiboevna, Doctor in Philology, Associate Professor

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
dampilova_luda@rambler.ru*

This article for the first time considers modernistic tendencies (text fragmentariness, intertextuality, theatricality of reality, its existential instability) in modern poetry of Mongolian peoples. The analysis of contemporary texts aimed at identifying “cultural codes” referring to national traditions seems topical. As a result it is stated that the own Eastern poetic traditions and the way of thinking combining with the “alien one” represented by the code of another cultural tradition introduce the creative work of modern poets into the world and national cultural traditions.

Key words and phrases: lyrical discourse; traditional and literary codes; postmodernism; modernism; intertext; Baatarын Galsansukh; Bulat Ayushev.

УДК 398.22;801.81

В статье рассматриваются мотивы чудесного зачатия и чудесного рождения главных героинь-богатырок в якутских олонхо о женщинах-богатырках. Эпический сюжетный мотив «рождение богатырки у престарелых родителей» является одним из основных мотивов эпоса олонхо и связан с мифологическими воззрениями. Мотивы «чудесное зачатие» и «чудесное рождение» богатырки от черного дыхания богатыря абаасы рассматриваются как архаический пласт в олонхо о женщинах-богатырках.

Ключевые слова и фразы: эпос; сюжет; мотив; чудесное зачатие; чудесное рождение; эпические персонажи; мифология.

Данилова Анна Николаевна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
daniлова.aanchyk@yandex.ru*

ЧУДЕСНОЕ РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРКИ КАК АРХАИЧЕСКИЙ МОТИВ В ЯКУТСКИХ ОЛОНХО О ЖЕНЩИНАХ-БОГАТЫРКАХ

Для якутских олонхо характерно божественное происхождение главного героя и его племени. И это связано с их особой ролью зачинателей рода человеческого.